

ПРИЕМ СЕМАНТИЧЕСКОГО ОСЛОЖНЕНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Кадимов Р.Г.

ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет», г. Махачкала, e-mail: ruslankadimov@mail.ru

В последнее время, как в отечественной, так и в мировой филологии значительное внимание уделяется попыткам осмысления связи звука и смысла в поэзии. Хотя о громадной роли звуковой стороны в смысловой структуре языка пишут давно, только в XX веке усилиями разных ученых удается формализовать те стороны текста, которые раньше ощущались интуитивно. Идеи, связанные с семантизацией звуков, привлекали внимание таких исследователей, как Ю. Тынянов, О. Брик, Б. Эйхенбаум, Р. Якобсон, И. Бодуэн де Куртенэ, Е. Поливанов, Л. Якубинский, В. Шкловский, В. Виноградов и др. Общепринятым является тезис о том, что поэтическая речь отличается семантической насыщенностью. Если контекст обычного языка лишает слово его многозначности и актуализирует одно-единственное значение, один лексико-семантический вариант, то поэтический контекст может допускать у слова несколько значений одновременно. Если переносные значения слова так или иначе определяются прямыми значениями и соотносятся с ними, то для слов-омонимов близость значений может мешать четкому пониманию. Функционирование их возможно лишь потому, что обычный контекст языка почти не создает ситуаций, где было бы трудно понять, какой из двух омонимов имеется в виду. Омонимы как слова, предельно близкие по форме и отличающиеся друг от друга значениями, иногда побуждают поэтов к соотнесению их в пределах поэтического контекста. Иногда вместо двух слов-омонимов (означающие которых совпадают) реально может быть употреблено только одно слово, но допускаться могут оба значения. Одно слово текста при этом оказывается означающим для двух значений слов-омонимов. Прием потенциальной ПА может быть связан со стремлением ненавязчиво наметить определенные коннотации, вызвать определенные стилистические эффекты, стремлением без эксплицитных средств описать некоторое скабрзное или другое явление. Этот же прием может способствовать возникновению сравнения без синтаксических и других специальных средств. Связи, которые устанавливаются потенциальной ПА, всегда являются дополнительными и способствуют семантическому обогащению художественного текста.

Ключевые слова: паронимия, поэтическая речь, омонимия, семантический эффект.

THE DEVICE OF THE SEMANTIC COMPLICATION OF THE POETIC TEXT

Kadimov R.G.

Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, e-mail: ruslankadimov@mail.ru

Recently both the domestic and the world philologists pay the considerable attention to attempts of understanding the relation between the sound and the meaning in the poetry. Although a huge role of the sound side in the semantic structure of the language has been described for a long time, only in the 20th century various scientists' efforts were resulted in formalizing the text sides, which previously were felt intuitively. The ideas associated with the semantization of sounds attracted the attention of scholars such as Yu. Tynyanov, O. Bric, N. Eichenbaum, R. Jacobson, I. Baudouin de Courtenay, E. Polivanov, L. Yakubinsky, V. Shklovsky, V. Vinogradov and others. The idea that the poetic speech is noted for the semantic saturation is generally accepted. The ordinary language context deprives the word of its polysemy and actualizes its single value, one lexico-semantic variant. While the poetic context may suppose the word has several meanings at the same time. Anyhow, the figurative meanings of the word are determined by the direct ones and relate with them. While for the words-homonyms, the proximity of meanings can interfere with the clear understanding. Their functioning is possible just because of the fact that the usual context of the language almost doesn't create the situations when it would be difficult to understand which of two homonyms is meant. Homonyms as words are very similar in form and differ from each other by meanings. Thus, sometimes they encourage poets to correlate them within a poetic context. Sometimes, instead of two words-homonyms (with similar denotation), in fact only one word can be used, but both meanings can be allowed. One word in the text here turns to be denotative for two meanings of the words-homonyms. The potential PA device may be related with the desire of softly identifying the certain connotations, causing the certain stylistic effects, with the desire to describe some obscene or other phenomenon without the explicit means. The same device can promote a simile without syntactic or any other special means. The links made by the potential PA are always auxiliary and contribute to the semantic enrichment of the artistic text.

Keywords: paronymy, poetic speech, homonymy, semantic effect.

Как в отечественной, так и в мировой филологии значительное внимание уделяется попыткам осмысления связи звука и смысла в поэзии. Хотя о громадной роли звуковой стороны в смысловой структуре языка пишут давно, только в последнее время усилиями разных ученых удается формализовать те стороны текста, которые раньше ощущались интуитивно. Переосмысляются классические работы, посвященные проблеме звуковых повторов, но где план выражения непосредственно не связывался с планом содержания.

Идеи, связанные с семантизацией звуков, привлекали внимание таких исследователей, как Ю. Тынянов, О. Брик, Б. Эйхенбаум, Р. Якобсон, И. Бодуэн де Куртенэ, Е. Поливанов, Л. Якубинский, В. Шкловский, В. Виноградов и др. [4].

Участившиеся в поэзии факты сознательной семантизации разнокорневых созвучных слов (когда формы слов используются для того, чтобы вызвать дополнительные смысловые эффекты) побуждают исследователей всесторонне анализировать смысловые функции звуковых повторов и специфику экспрессивного средства художественной речи, которое обозначают термином паронимия, или паронимическая аттракция (далее – ПА). В качестве примеров паронимической аттракции рассматриваются случаи типа “Трон тронулся” (Горький), “пища питит!”, “пустыня стынет”, «заносчивый нос», “это самый поразительный паразит” “Эта тема день истемнила”, “Бывало – сезон, наш бог – Ван Гог, другой сезон – Сезан” (Маяк.); “Орешник тебя отрешает от дня”, “И реплики леса окрепли” (Пастернак); “Месяц месит кутью на полу” (Есенин.); “кепчонка копченая”, “Как нам мешчане мешали встретиться!” (Возн.), т.е. разнокорневые сходнозвучные слова разных частей речи (выполняющие в предложении различные синтаксические функции), включая разные группы лексики, в том числе имена собственные.

Паронимически соотноситься могут слова, имеющие самые разные характеристики. В стихотворении Вознесенского («Беловежская баллада») благодаря переплетению прямого и переносного значений становится возможным соотнесение двух эксплицитно представленных слов – «печь» и «печаль». В последней строке 3-й строфы читаем: «Головешки в печи угостим», а 4-я строфа начинается словами «Затопите печаль в моем доме». Здесь «печь» и «печаль» могут быть соотнесены в устойчивом сочетании языка «пусть горит все синим пламенем» (ср. строки этого стихотворения: «Отвернутся друзья и подруги ... Чтобы вспыхнуло все голубым ...»). Слова «печь», «затопите» соотносятся со словом этого сочетания «пламенем», слово «печаль» может соотноситься с состоянием, которое можно обозначить словами «пусть горит все синим пламенем»: «Затопите печаль в моем доме! / Поет прошлое в кирпичках. / Все гори синим пламенем кроме – / запалите печаль!». В 6-й строфе используется другое устойчивое сочетание: «Грех, что мы крепостны

на треть. / Столько прошлых дров накололи – / хорошо им в печи гореть!» – и вновь проводится взаимное переплетение связанного и свободного, переносного и прямого, отвлеченного и конкретного значений слов. Так звуковая форма двух слов (в данном случае «печь» и «печаль») становится конструктивным элементом, участвующим в складывании образной системы и развертывании лирического сюжета стихотворения.

Омонимия и паронимия часто используются поэтами в качестве приемов семантического осложнения и обогащения художественного текста [6]. Общеизвестным является тезис о том, что поэтическая речь отличается семантической насыщенностью. Если контекст обычного языка лишает слово его многозначности и актуализирует одноединственное значение, один лексико-семантический вариант, то поэтический контекст может допускать у слова несколько значений одновременно. При этом часто речь идет о словарных (прямых и переносных) значениях, которые входят в семантическую структуру одного слова. Если переносные значения слова так или иначе определяются прямыми значениями и соотносятся с ними, то для слов-омонимов близость значений может мешать четкому пониманию. Функционирование их возможно лишь потому, что обычный контекст языка почти не создает ситуаций, где было бы трудно понять, какой из двух омонимов имеется в виду.

Омонимы как слова, предельно близкие по форме и отличающиеся друг от друга значениями, иногда побуждают поэтов к соотнесению их в пределах одного поэтического контекста. Причем вместо двух слов-омонимов (означающие которых совпадают) реально может быть употреблено только одно слово, но допускаться могут оба значения. Одно слово текста при этом оказывается означающим для двух значений слов-омонимов. Приведем пример из поэзии А. Вознесенского: «Должны быть известными – книги, / а сами вы незначимы, / чем мина скромнее и глуше, / тем шире разряд динамита». Контекст этот допускает значения обоих слов омонимов («мина») и делает их совместимыми. Если 1-е значение слова «мина» (взрывной снаряд) поддержано словами «глуше», «разряд динамита», то значение второго слова-омонима (выражение лица, мимическое движение) допускается словом «скромнее» и всем ходом стихотворения: творения должны быть знаменитыми, а творцы – нет, чем мина творца скромнее, тем шире и сильнее резонанс. В данном контексте слова-омонимы соотнесены в общем для них значении – «чем скромнее (и глуше), тем сильнее» – скромности, сопряженной с большей действенностью. Соотнесению их способствуют синонимичные в определенном смысле слова «скромнее» и «глуше», объединяющие оба омонима. Для совмещения в одном слове значений двух слов необходимо, чтобы в одном из своих значений (или в определенных частях семантических

диапазонов) эти слова смыкались, т.е. чтобы нашлась хотя бы одна сема, общая для обоих слов.

В поэтической речи могут одновременно допускаться довольно далеко отстоящие одно от другого значения. Например, в строке Вознесенского «Церкви, луковки, картошка, ух – в уху!» слово «луковки» соотнесено с двумя стоящими рядом словами, с которыми ассоциируются два его значения: «луковка» – 1. (шаровидный церковный купол) и 2. (головка лука, которое может ассоциироваться со словом «картошка»).

В строке Маяковского «звон посуды, / визгов трельки» значение слова «посуда» и форма слова «трельки» могут намечать другое слово, совмещающее эти содержание и форму – слово «тарелки». Именно это слово и появляется через строку в позиции рифмы: «звон посуды, / визгов трельки, // то / кухарка дискоболша // мечет / мелкие тарелки». Подобные отношения содержатся и в следующем примере: «да в тучах / птичье вранье, // крикливое и одноглавое, // ругается воронье». Однако намечаемое значением одного и формой другого слов третье слово может вовсе не появляться в тексте эксплицитно. Так, в строке Д. Бурлюка «Розовой пяткой вешних нег» [1] значение слова «пяткой» и форма слова «нег» актуализируют лексему «ноги», которая не появляется в тексте (что, возможно, было бы огрублением образа). Этот случай (как и некоторые другие) можно квалифицировать как определенный поэтический эксперимент.

Не всегда в подобных случаях можно говорить о паронимии в классическом смысле этого понятия: иногда вместо контекстуально ожидаемого слова появляется другое слово, которое создает паронимическое напряжение с отсутствующим, но явно подразумеваемым сходнозвучным словом. В строке М. Цветаевой «Грязь брезгует из-под колес!», подчеркнутое нами слово употреблено вместо контекстуально ожидаемого слова «брызгает». Однако соотносятся ли эти слова (брызгает – брезгует) паронимически, т.е. по форме и по смыслу, не всегда обнаруживается сразу. В данном случае возможность ПА между упомянутыми словами более обнаженно представлена в строке Вознесенского: «Брезгливо брызгалась твоими духами», где у слова «брызгалась» возникает коннотативный признак брезгливости.

Два слова, в сильной степени сходные по форме, для которых поэтом найден контекст, связывающий их общей семой, могут квалифицироваться как потенциальная ПА, если в тексте представлено лишь одно из этих слов. Если вместо ожидаемого в достаточно устойчивом контексте слова употреблено в сильной степени сходное по форме другое слово, напоминающее отсутствующее, можно говорить о потенциальной паронимии.

Подобный прием активно использует Вознесенский. Одно из слов обычного для языка сочетания заменяется другим очень похожим словом: «Он Ал. Михайлов –

арбитражная станция нынешней поэзии» (подчеркнуто нами – Р.К.). Литературный критик сравнивается с арбитром, а все сочетание воспринимается на фоне активного в современном языке сочетания «орбитальная станция» (с возможными значениями «всеведущий», «всевидающий»). Об артисте Ливанове Вознесенский пишет: «гомерический исполнитель Ноздрева и Потемкина, этакий рубаха-барин». Опущенное слово («парень») актуализируется устойчивой связью его со словом «рубаха» – («рубаха-парень») и формой слова «барин», близкой к форме опущенного слова.

Как видим, поэты, активно использующие ПА, стремятся достичь определенного эффекта и посредством одного слова, посредством его прочтения на определенном фоне. Опуская одно из входящих в устойчивое сочетание слов, поэт приводит вместо него такое слово, которое по своей звуковой форме похоже на опущенное. Этим актуализируется существующая в языковом сознании читателя устойчивая связь, на фоне которого и воспринимается новое слово. В стихотворении «Маяковскому» М. Цветаева пишет: «Вздыхнул, поплевал в ладонь: // – Держись, ломовая слава!» – (ср. обычное «ломовая сила»).

Подобные случаи способствуют появлению в тексте значений без представления их специальных (материальных) означающих. Эти значения представлены посредством других слов, которые имеют и свои собственные значения. Одно и то же означающее актуализирует несколько означаемых: оно начинает как бы просвечивать и иным значением, не теряя при этом своего собственного значения. Так, в приведенном выше примере словом «рубаха-барин» актуализируется значение номинации «рубаха-парень» и вместе с тем привносится значение слова «барин». Такое виртуозное использование формы способствует повышению «удельного веса» содержания («удельной значимости») текста. В посвященном Маяковскому стихотворении «Разговор с эпитафией» Вознесенский употребляет номинацию языка «соловей-разбойник»: «Дай одного / соловья-разбойника!..». Но в стихотворении, посвященном В. Бокову, Вознесенский употребляет эту же номинацию в несколько измененном виде: «соловей-работничек, / свистни сквознячком» («Величальная открытка В. Бокову»).

Потенциальная ПА отлична от каламбура, для которого обязателен комический эффект. Подобно тому, как пародия является частным случаем стилизации, так и каламбур может быть рассмотрен здесь как частный случай потенциальной ПА. В поэзии XX века подобный прием использовался в самых разнообразных жанрах для создания весьма сложных семантических эффектов.

Так, в пьесе «Мистерия-буфф», когда речь идет об образе сада, вместо обычного «корона солнца» Маяковский употребляет другое слово: «а посередине – сад звезд и лун, увенчанный сияющей кроной солнца». Возникает аттракция между реально употребленным

в тексте словом и словом, которое обычно употребляется в этом сочетании (крона-корона). В черновике и втором варианте пьесы употреблено то же слово – «крона». Но такие «нюансы» порой выпадают из поля зрения исследователей. Они приводят то слово, которое там должно было быть. Так, Г. В. Филиппов в книге «Русская советская философская поэзия» цитирует это место пьесы с отсутствующим в тексте Маяковского словом: «сад... увенчанный... короной солнца». Подобные ошибки подтверждают, что эти слова употреблены на «месте» других и при внимательном чтении воспринимаются на их фоне [11].

Г. О. Винокур, говоря о фамильярности выражения «как говорится» в стихотворении «Сергею Есенину», отмечает, что «фамильярной лексикой Маяковский пользуется и в мотивах, исполненных самой глубокой серьезности... Точно так же, как было бы, разумеется, невозможно предполагать какое-нибудь душевное ерничество у Маяковского в его предсмертные минуты, в которые, однако, он все же написал: «Как говорят, / инцидент исперчен, / любовная лодка / разбилась о быт» [2]. В данном случае ученый говорит о выражении «как говорят», но этот же пример свидетельствует о глубоко серьезном отношении Маяковского к эффектам, вызываемым определенным использованием звуковой формы слов. Последнее слово цитатного сочетания «инцидент исперчен» своей звуковой формой и возможными семантическими взаимодействиями актуализирует, вызывает к жизни обычное для данного сочетания слово «исчерпан», но с дополнительным коннотативным значением («исперчен»).

Критерием наличия или отсутствия между словами семантической связи может служить контекст. В той или иной степени любые два слова могут быть объединены каким-либо контекстом. Так, Ю. М. Лотман пишет, что «в предельном случае в поэтическом языке любое слово может стать синонимом любого» [8]. Можно предположить, что это в значительной степени может основываться на объективных связях между словами в языке. Определяя принципы построения идеографического словаря, Ю. Н. Караулов отмечает, что «в словаре нельзя найти такую пару слов, между которыми не существует семантической связи» [7].

Прием потенциальной ПА может быть связан со стремлением ненавязчиво наметить определенные коннотации, вызвать определенные стилистические эффекты, стремлением без эксплицитных средств описать некоторое скабрзное или другое явление. Этот же прием может способствовать побуждению читателя к сравнению без синтаксических и других специальных средств. В строках Вознесенского «И, оттаивая ладошки...» слово ладошки своей звуковой формой напоминает слово «ледышки», и это способствует сравнению денотатов этих слов. Ср. также: «Сливеют / губы / с холода» у Маяковского. В стихотворении Маяковского «Критика самокритики» читаем: «А пока / молчим по-рабы».

Сравнение «по-рабьи» может восприниматься на фоне общеязыкового сравнения «молчит, как рыба». Для актуализации последнего в равной мере необходимы как слово «молчим», так и форма слова «рабьи». Сходнозвучные слова «раб» и «рыба» здесь могут быть связаны семей «молчание». Связи, которые устанавливаются потенциальной ПА, всегда являются дополнительными и способствуют семантическому обогащению художественного текста.

Список литературы

1. Бурлюк Д.Д., Затычка. – М., 1913.
2. Винокур Г.О., О языке художественной литературы. – М. : Высшая школа, 1991. – 448 с.
3. Вознесенский А., Собр. соч.: В 3-х т. – М. : Худ. лит., 1983-1984.
4. Григорьев В.П., Поэтика слова. – М. : Наука, 1979.
5. Есенин С.А., Собр. соч.: В 6 т. – М.: Худ. лит., 1977-1979.
6. Кадимов Р.Г., Некоторые наблюдения над паронимической аттракцией в текстах В. В. Маяковского // Психолого-педагогические и лингвистические проблемы исследования текста. – Пермь, 1984. – С. 118-119.
7. Караулов Ю.Н., Русский язык и языковая личность. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. – С. 76.
8. Лотман Ю.М., Структура художественного текста. – М., 1970. – С.41.
9. Маяковский В.В., Полное собрание сочинений. В 13 т. – М. : Худ. лит., 1955-1961.
10. Пастернак Б., Воздушные пути. – М.: Сов. писатель, 1983. – С. 456.
11. Филиппов Г.В., Русская советская философская поэзия. Л.: ЛГУ, 1984. – С. 117.
12. Цветаева М., Избранные произведения. – Минск : Наука и техника, 1984.

Рецензенты:

Эфендиев И.И., д.ф.н., профессор, зав. кафедрой русского языка, Дагестанская государственная медицинская академия, г. Махачкала;

Халидова Р.Ш., д.ф.н., профессор кафедры теории и методики обучения русскому языку и литературе, Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала.